

разрешительной документацией на строительство. Пунктом 3 ст. 223 ГК устанавливается, что при самовольном строительстве может быть принято решение о приведении самовольной постройки в состояние, соответствующее требованиям градостроительных норм и существенным требованиям безопасности. Иными словами, сейчас является достаточным для признания объекта строительства самовольной постройкой нарушение градостроительных норм и существенных требований безопасности. До внесения изменений в ст. 223 фигурировало понятие «существенные нарушения градостроительных норм». Таким образом, можно говорить о том, что теперь достаточно наличия нарушения любых градостроительных норм для признания объекта самовольной постройкой.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что законодатель путем внесения изменений в ст. 223, оказал существенное влияние на институт самовольного строительства и самовольной постройки. Однако представляется, что новое понимание самовольной постройки через категорию «объект строительства» создает проблему в правильном понимании природы самовольной постройки.

Филипцова П. А.

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ДИСТАНЦИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Филипцова Полина Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, filiptsova@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

С началом пандемии COVID-19 в 2020 г. произошел резкий всплеск популярности всевозможных средств дистанционной коммуникации. Отразилась эта тенденция и на корпоративных правоотношениях в связи с рисками для здоровья, которые влекли совместные собрания людей, все чаще возникал вопрос о возможности проведения общих собраний участников хозяйственных обществ (далее – ХО) дистанционно. 5 января 2021 г. данную возможность закрепили в ч. 3 ст. 14 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о ХО). В настоящий момент в устав ХО могут быть включены положения, предусматривающие случаи и порядок использования электронной или иной связи, информационных сетей (систем) или программно-аппаратных средств и технологий (так называемых «систем дистанционного обслуживания» (далее – систем ДО)) при организации созыва и проведении общего собрания его участников.

Использование систем ДО при проведении общего собрания ХО отвечает потребностям корпоративного управления, с одной стороны, и не вызывает технических сложностей в современных условиях цифровизации, с другой. Вместе с тем стоит обратить внимание на достаточно осторожный подход белорусского законодателя, который разрешил использовать системы ДО при условии прямого указания в уставе. Некоторые государства в сложившихся обстоятельствах установили более либеральный подход.

Например, согласно польскому законодательству (ст. 234-1 Кодекса о торговых товариществах), участие в общем собрании общества с ограниченной ответственностью может осуществляться с помощью электронных средств связи, если уставом не предусмотрено иное, т. е. регламентировать возможность дистанционного участия в собраниях в уставе не требуется, поскольку такая возможность предусмотрена в законе.

Использование систем ДО при проведении общего собрания не влечет появление новой формы проведения собрания, ст. 42 Закона о ХО по-прежнему закрепляет очную, заочную и смешанную формы.

Так, очная форма проведения общего собрания предусматривает совместное присутствие лиц, имеющих право на участие в этом общем собрании, при обсуждении вопросов повестки и принятии решений по ним. При этом, если устав позволяет организовать совместное присутствие этих лиц дистанционно с использованием систем ДО, собрание может быть проведено в очной форме без организации физического присутствия участников в конкретном месте.

Не запрещено предусматривать в уставе и «комбинированный» формат проведения очного собрания – когда часть участников физически находятся вместе, а другая часть подключается, к примеру, посредством видеоконференцсвязи. С другой стороны, проблемой могут стать ситуации, когда в случае технических проблем или даже в силу психологических особенностей восприятия информации дистанционным участникам будет сложнее высказывать свое мнение по вопросам, входящим в повестку дня.

Для проведения общего собрания в очной форме могут подходить не все виды электронной связи. Если функционал программы для видеоконференций позволяет организовать между участниками собрания полноценное обсуждение, то использование в этих целях электронной почты или телефонной связи является проблематичным. В то же время эти технологии можно использовать для организации опроса участников общего собрания, и проведения его в заочной или смешанной формах.

В силу многообразия систем ДО полагаем, что в уставе следует подробно описывать процесс проведения общего собрания и используемый технический и программный функционал. Нежелательно останавливаться лишь на одном средстве связи, так как в случае технических или иных проблем проведение общего собрания может стать невозможным. В некоторых случаях (в частности, для принятия решений путем тайного голосования) может потребоваться использование специально разработанных приложений для «электронных совещаний», позволяющих обеспечить безопасность и тайну голосования, проверку личности голосующих и исключение возможности голосования несколько раз. Еще одна сложность, которая сопровождает новеллу – несогласованность с иными нормами корпоративного законодательства. Согласно ч. 1 ст. 38 Закона о ХО в решении о проведении общего собрания участников ХО должны быть определены дата, время и место (с указанием адреса) проведения. В случае, если общее собрание проводится с использованием систем ДО, указать эти

данные может быть затруднительно. Законодатель Российской Федерации учел эту особенность, установив в Гражданском кодексе обязанность указывать место проведения заседания или же способ дистанционного участия членов гражданского-правового сообщества в заседании.

Полагаем, что законодательное закрепление возможности использования систем ДО является позитивным шагом и отвечает потребностям корпоративного управления, но данный аспект требует более полной проработки и внесения дальнейших корректировок.

Чижик И. А.

МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН КОРПОРАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ: ОБЩЕЕ ПРАВИЛО ИЛИ СПЕЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ?

*Чижик Ирина Александровна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
irinacizik488@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Белорусское законодательство не содержит специальных норм об ответственности сторон корпоративного соглашения. В ч. 6 ст. 90-1 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» указано лишь, что стороны вправе предусмотреть в корпоративном соглашении меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Кроме того, законодатель установил, что нарушение корпоративного соглашения не может являться основанием для признания недействительными решений органов управления общества.

Из этого следует, что к нарушениям обязательств, вытекающих из корпоративного соглашения, применяются общие правила гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем в контексте исполнения договорных обязательств из корпоративных соглашений обращение к традиционным мерам гражданской ответственности характеризуется определенной спецификой. Возмещение убытков, как правило, не пользуется особой популярностью из-за трудоемкого процесса доказывания, а взыскание неустойки в соответствии с п. 1 ст. 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) не всегда в полной мере обеспечивает имущественные интересы лица, чье право нарушено.

Отличительный характер отношений, связанных с участием в юридических лицах или с управлением ими, отражается на последствиях нарушения условий корпоративного соглашения, которые не всегда могут быть трансформированы в денежный эквивалент. В связи с этим негативные последствия нарушения условий корпоративного соглашения могут выражаться не только в причинении ущерба, но и, например, в невозможности достижения целей деятельности юридического лица.